

Леонид Млечин

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВЕЛИЧИЯ

**Иран, ядерное оружие
и Ближний Восток**

Леонид Млечин

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВЕЛИЧИЯ

Иран, ядерное оружие и Ближний Восток

Санкт-Петербург
«БХВ-Петербург»

2014

УДК 39+9
ББК 26.89
М72

Млечин Л. М.

М72 В поисках утраченного величия. Иран, ядерное оружие и Ближний Восток. — СПб.: БХВ-Петербург, 2014. — 528 с.

ISBN 978-5-9775-0935-0

Книга, посвященная древней, но до сих пор загадочной для мира стране — Исламской Республике Иран, помогает разобраться в хитросплетениях восточной политики, ее религиозных основах и тактике принятия непонятных для европейца решений. Грозит ли миру иранская ядерная бомба, как события последних лет на Ближнем и Среднем Востоке могут повлиять на мировую историю — ответы на эти острые вопросы пытается донести до читателей автор.

Для широкого круга читателей

УДК 39+9
ББК 26.89

Группа подготовки издания:

Главный редактор	<i>Екатерина Кондукова</i>
Зам. главного редактора	<i>Людмила Еремеевская</i>
Зав. редакцией	<i>Екатерина Капальгина</i>
Редактор	<i>Татьяна Темкина</i>
Компьютерная верстка	<i>Людмилы Чесноковой</i>
Корректор	<i>Наталья Першакова</i>
Дизайн серии	<i>Марины Акининой</i>
Оформление обложки	<i>Марины Дамбиевой</i>

Подписано в печать 30.09.13
Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,72.
Тираж 2000 экз. Заказ №
«БХВ-Петербург», 191036, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 20.

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

ОГЛАВЛЕНИЕ

Шииты и сунниты.....	5
Наследники великого аятоллы.....	20
Большая тройка	31
Вампир демократии	35
Цена персидских кладовых	42
Черное золото дороже золота	64
Смерть, оплаченная нефтью	83
Визит шаха взорвал Германию.....	92
Возвращение имама	102
Захват посольства	121
Восьмилетняя бойня	138
Хомейни и Израиль.....	150
Поделить Иран с Гитлером?	174
Смертный приговор с отсрочкой исполнения	181
Что же произошло в Тегеране в 1943-м?	197
Северный Иран или Южный Азербайджан?	204
Хрущев мирится с шахом	219
Фанатизм и прагматизм.....	238
Приказ: отравить!.....	245
Живые бомбы.....	265
ХАМАС и его друзья.....	289
Хезболла, партия Аллаха.....	304
Поиски пропавшего штурмана.....	339
Операция возмездия	349

Причины ненависти	356
«Ядерный клуб»: почему входной билет?.....	371
Кто в «клубе»?.....	371
Великобритания	372
Франция.....	373
Китай	374
Индия.....	375
Пакистан	375
Израиль.....	377
Северная Корея.....	377
Мирными средствами	379
Швеция	380
Южно-Африканская Республика	380
Ливия	381
Ирак.....	382
Сирия	383
Кто еще в очереди?	386
Бразилия	387
Венесуэла.....	388
Мьянма (Бирма).....	388
Бангладеш	389
Террористы и бомба	389
Как расщепить иранский атом?	392
Правосудие с доставкой на дом	437
Весна на Ближнем Востоке и ее плоды	480
Свергнуть фараона!	487
Деньги и лояльность	491
Главный враг	492
«Братья-мусульмане»	494
Семья на скамье подсудимых	497
Жажда реванша	508
Исламисты приходят навсегда?	511
Островок стабильности	514
Между эйфорией и отчаянием	518
Вместо послесловия	525

ШИИТЫ И СУННИТЫ

«*Nic sunt dracones*» (в переводе с латинского — «Здесь драконы») — так средневековые картографы обозначали неисследованные и неизвестные районы. Поразительным образом Исламская Республика Иран — государство с долгой историей — остается непонятой миром. И подчеркнуто одинокой. Ни надежных союзников, ни постоянных партнеров. Во внешней политике — никаких уступок и компромиссов. Ни к кому не прислушивается. Ни с кем не считается. Ведет свою игру. С легкостью идет на громкие скандалы. Демонстративно ссорится с теми, кто имеет вес в мировых делах.

За пределами исламского сообщества эта страна кажется мрачной и опасной. В христианском мире непривычно не улыбкающие лица священнослужителей, в чьих руках власть, их громкие обещания покарать и наказать неверных вызывают тревогу и опасения.

Сразу после Исламской революции в Иране аятолла Рухолла Хомейни и его сторонники напугали всех своим тотальным неприятием окружающего мира, где все делится на своих и чужих. Причем у чужих выбор небольшой: либо они становятся своими, либо подлежат уничтожению.

Министр иностранных дел Ирана первым приехал в Пакистан после испытания там ядерного оружия, которое восхищенно назвал «исламской бомбой». Он торжественно сказал: отныне мусульманский мир будет чувствовать себя спокойнее и увереннее. Ныне пакистанской бомбы, видимо, недостаточно. Иранцы считают, что их историческое и культурное величие не позволяет им отставать от других стран, которые уже имеют ядерное оружие.

В принципе, никто и не сомневается в том, что Иран желает обзавестись ядерным оружием. Рано или поздно, вне зависимости от того, кто будет управлять Ираном, страна получит бомбу. Что тогда? И вообще, чего добиваются в Тегеране?

Показная гордость и нарочитая неуступчивость — оборотная сторона жизни людей, привыкших ощущать себя изгоями, гонимой и униженной сектой. Персы, то есть иранцы, рождались на свет с сознанием того, что они — жертвы несправедливости, потому что они шииты, а вокруг — презирующие их сунниты.

Сунниты — ортодоксальные мусульмане. Помимо Корана они почитают Сунну — сборники преданий о словах и делах пророка Мохаммада. Шиитов называют сектой, раскольниками. Скажем, саудовские ваххабиты в принципе не считают шиитов мусульманами и разрушили святые для шиитов места в Мекке и Медине. Взаимная ненависть привела к тому, что в 1987 году саудовская полиция расстреляла двести семьдесят пять иранских паломников во время ежегодного хаджа в Мекке. «Мухи и персы — вот единственные существа, которых Аллах не создавал», — брезгливо говорили суннитские вожди Ирака во время долгой войны с Ираном.

Сами шииты, напротив, убеждены, что лишь они — истинные мусульмане. Суннитской концепции шииты противопоставили религию пророческую, тайную, скрытую. Имам становится вождем религиозной общины и передает ей тайну божественного откровения. Община объединяется вокруг охраняемой ими тайны. Шиизм — это не только религиозное понятие. Это целая культура, особенно когда речь идет о Персии с ее древней историей, ее проповедниками, поэтами, философами, которые говорят о сокровенном.

Расхождение между мусульманами началось из-за вопроса о власти: кто может стать халифом, то есть преемником пророка. По мнению суннитов, главой верующих и одновременно главой государства вправе быть любой достойный, благочестивый и ученый мусульманин, поддержанный религиозной общиной. Шииты же настаивают на том, что халиф должен быть прямым потомком пророка.

По преданиям, у пророка Мохаммада не было сына, который бы ему наследовал. Его единственная дочь Фатима вышла замуж за двоюродного брата отца — Али ибн Аби Талиба, который таким образом стал еще и зятем пророка. Шииты исходят из того, что после смерти пророка именно Али по праву должен был стать халифом, главой всех мусульман. Сторонников такой точки зрения стали именовать «шият Али» — сторонниками Али.

Пророк скончался в понедельник 8 июня 632 года в возрасте шестидесяти двух лет, ничего не сказав относительно преемника. Халифом выбрали купца Абу Бакра. Его последовательно сменили Омар ибн аль-Хаттаб и Осман ибн аль-Аффан. В июне 656 года недовольные правлением Османа мусульмане ворвались в дом халифа и убили его.

И только тогда настала очередь Али. Однако далеко не все признали его халифом. Заговорщики набросились на него в мечети. Он был смертельно ранен ударом меча по голове и на следующий день скончался. Халифом стал его старший сын — аль-Хасан, но он столкнулся с такой мощной оппозицией, что отрекся от халифата. Шииты обратились к другому сыну Али — аль-Хусейну ибн Али. Противники заманили его в ловушку и жестоко убили.

Шииты убеждены, что с тех пор во главе мусульман становятся люди, которые не имеют на это права. Шииты верят во второе пришествие последнего, двенадцатого имама Мохаммада ибн аль-Хасана, который шестилетним мальчиком в 874 году бесследно исчез в пещере возле столицы халифата города Самарры. Вероятнее всего он был убит теми, кто хотел избавиться от потенциального соперника. Но шииты верят, что он обязательно вернется и избавит мир от зла.

В исламском мире шииты — меньшинство, они составляют примерно десять процентов общего числа мусульман. Шииты веками подвергались преследованиям, их зверски уничтожали, поэтому для них характерен культ мучеников. Только в одной стране шииты у власти — это Иран.

В Древнем мире Персия была великой державой. Она разгромила армии Вавилона, Ассирии, Египта, Афин, Рима. Персы создали первую в мире империю, протянувшуюся от нынешней

Ливии на западе до Эфиопии на юге, от Болгарии на севере до Индии на востоке. А потом все потеряли!

Иранцы не упускают случая напомнить: они не арабы, их цивилизация зародилась задолго до появления ислама. «Иран — одна из древнейших земель арийской расы, — с гордостью отмечал шах Пехлеви. — В расовом отношении мы очень далеки от арабов, которые принадлежат к семитской расе».

Арабы вторглись в Персию и принесли с собой ислам. Персы гордятся тем, что они противостояли арабизации страны. Приняли ислам, но сохранили свою культуру. Иран — исламское государство, но не арабское. Поразительным образом шиизм в Иране возник как форма протеста против трехвековой арабской оккупации, против суннизма арабов-захватчиков.

Сегодня конфликт между суннитами и шиитами — это уже не религиозное внутримусульманское противостояние. Это еще и геополитическое противостояние Ирана и арабского мира, это война за власть и влияние на Ближнем и Среднем Востоке.

Шиитский Иран претендует на ведущую роль в исламском мире. Арабские государства, особенно соседние — с небольшим населением и маленькой армией, — смертельно боятся Ирана. Арабские националисты и арабы-сунниты давно пытаются сплотиться в противостоянии персам.

При шахе, с 1960-х годов, Иран испытывал беспрецедентный экономический подъем. После войны на Ближнем Востоке в октябре 1973 года резко выросли доходы от продажи нефти. Иран обогнал соседей по экономическому развитию и военной мощи. В середине 1970-х это было самоуверенное, может быть, даже излишне самоуверенное государство. Шах жаждал политической роли, соответствующей его мощи. Но чтобы стать региональным лидером, Иран нуждался в признании и поддержке арабского мира. Арабы же не могли преодолеть своей подозрительности и презрения к персам-шиитам.

На лидерство в регионе претендовал и соседний Ирак, где у власти стояли сунниты. Спор о лидерстве решался на поле боя. Самый большой подарок современному Ирану преподнесли Соединенные Штаты, избавив иранцев от Саддама Хусейна. Для арабского мира разгром и бегство иракской армии стали

еще одним тяжким ударом по национальной гордости. Зато поражению Ирака и свержению Саддама откровенно радовались в Тегеране. Напрасно Саддам апеллировал к антиамериканской солидарности. Министерство иностранных дел Ирана заявило: «Если бывшие иракские руководители попытаются бежать к нам, в Иран, мы их арестуем и будем судить — за все преступления против иранского народа».

Вообще говоря, стремительная военная операция «Шок и трепет» вызвала в Иране смешанные чувства. С одной стороны, американцы молниеносно уничтожили ненавистного врага — Саддама Хусейна. С другой стороны, американские войска оказались на флангах Ирана — и в Афганистане, и в Ираке. Это породило паранойю среди иранских руководителей: а ну как американцы решат избавиться от страха перед иранской атомной бомбой и нанесут удар первыми?

Но гражданская война, которая потом развернулась между иракскими суннитами и шиитами, успокоила иранцев: американцы надолго завязли в Ираке. Высший руководитель Ирана Али Хаменеи торжествующе сказал, что Соединенные Штаты в Ираке похожи на волка, попавшего в капкан: он может или истечь кровью, или отгрызть себе лапу и убежать.

Свержение режима Саддама Хусейна освободило иракских шиитов. Шииты составляют две трети населения страны, сунниты — треть. По новой конституции Ирака шииты, составляющие большинство страны, становятся более влиятельными. Это неприемлемо для бывших соратников Саддама Хусейна, для правящего класса Ирака, состоящего из суннитов. Вот почему они ведут подпольную войну в Ираке против христиан-американцев и мусульман-шиитов.

Суннитские вожди террористической организации Аль-Каида считают шиитов «главным демоном» и методично уничтожают видных шиитских священнослужителей. Сменивший Осаму бен Ладена на посту террориста номер один иорданец Абу Мусаб аз-Заркауи назвал шиитов «затаившейся змеей со смертоносным ядом, зловредным скорпионом, который выставляет себя другом, чтобы занять более удобную позицию и нанести удар в спину».

Веками шииты в исламском мире воспринимали себя как гонимое и второсортное меньшинство. Теперь во всем исламском мире происходит подъем шиитского самосознания. Арабские страны этому не рады. Когда-то Саддам Хусейн оправдывал свою войну против Ирана тем, что противостоит персидско-шиитскому влиянию. И получил полную политическую и финансовую поддержку арабского мира. «Все арабские страны помогали Ираку избежать оккупации Ираном, — обреченно говорят руководители Саудовской Аравии. — А теперь мы отдали весь Ирак Ирану...»

Десятилетиями Ирак и Иран уравнивали друг друга. Другие государства в регионе чувствовали себя в безопасности. Теперь некому противостоять Ирану. Вот почему суннитские лидеры втайне рады тому, что Ирану противостоит Вашингтон.

В 2004 году иорданский король Абдалла предупредил о появлении «шиитского полумесяца» от Бейрута до Персидского залива. Обеспокоен был и тогдашний президент Египта Хосни Мубарак, который сказал: «Шииты больше лояльны Ирану, чем собственным странам». Иначе говоря, арабы считают шиитов пятой колонной Ирана.

Высший руководитель Ирана аятолла Али Хаменеи назвал Хосни Мубарака бесчестным и невежественным президентом. Мубарак ответил, что не опустится до площадной брани и не станет отвечать Хаменеи в выражениях, присущих языку лавочников, а не духовному лидеру крупной мусульманской страны. Зато египетские журналисты дали себе волю, называя тегеранских правителей «шайкой воров» и «бандой гангстеров».

В Иране Хосни Мубарака всегда ненавидели.

26 июня 1995 года неподалеку от Аддис-Абебы, столицы Эфиопии, голубой микроавтобус неожиданно перегородил дорогу кавалькаде лимузинов, едущей из аэропорта. Из микроавтобуса выскочили пять человек с автоматами АК-47 и гранато-метами. Они открыли огонь по одному из бронированных «мерседесов». Стреляли также с крыш двух зданий неподалеку от дороги.

Убить пытались президента Египта Хосни Мубарака, прибывшего на конференцию Организации африканского единства. Он поразился тому, что микроавтобусу с террористами по-

зволили приблизиться к его конвою и никто их не остановил. Только через несколько секунд охрана Мубарака открыла ответный огонь, двое из нападавших были убиты. Машины президента смогли обогнуть стрелявших и доставили его назад в аэропорт, откуда он улетел в Каир. Он остался жив, потому что террористы не знали, в каком из лимузинов он находится, и не успели воспользоваться ручными гранатометами. Тем не менее двенадцать пуль попали в машину Мубарака и одна из них пробила считавшийся пуленепробиваемым борт.

Мубарак обвинил в организации теракта Иран и попросил ЦРУ провести расследование. Пришли к выводу, что ликвидировать президента взялись бежавшие из Египта террористы — на иранские деньги и с помощью Судана.

В 1980-е годы Судан стал вторым после Ирана исламским государством. Это одна из беднейших африканских стран. В 1983 году разразилась гражданская война между исламским севером и христианским югом. После переворота 1989 года власть взяли военные. Главой режима стал генерал-лейтенант Омар аль-Башир — премьер-министр, а с 1993 года — президент. Но он возглавлял страну номинально.

Духовным отцом нации и реальным владыкой был исламский богослов и политик Хасан аль-Тураби. Он закончил юридический факультет Хартумского университета, учился в Лондоне и в Париже, в Сорбонне. Руководил Исламским национальным фронтом (местный вариант «Братьев-мусульман»). Когда в Иране умер аятолла Хомейни, Тураби поднял знамя радикального политического ислама. Он вознамерился создать первое исламское государство суннитов, а не еретиков-шиитов, как в Иране.

Под его руководством Судан взял на себя миссию распространения Исламской революции. В Судане сформировалась Международная арабская исламская конференция, в которую вошли террористические группировки разных стран. Они получили в Судане убежище и возможность готовиться к боевым действиям.

Судан выдавал визы всем, кто хотел приехать. Тем, кто в этом нуждался, выдавали дипломатические паспорта на чужие

фамилии. Если надо, в аэропорту не ставились штампы о въезде и выезде. То есть поездки в Хартум оставались без следов. Нечего и удивляться, что Судан стал центром терроризма. Сюда приезжали боевики из «Исламского джихада», Хезболлы, ХАМАС.

Тураби приглашал радикалов со всего мира. Еще мало известный тогда Осама бен Ладен приехал с деньгами, хотя и не очень большими. Но в обанкротившейся стране приветствовали человека с любой суммой. Тураби был умен и ловок. Он умудрялся получать деньги одновременно от Ирана и Ирака.

Тегеран предложил Судану нефть и деньги. В Хартуме нашли пристанище сотни стражей Исламской революции. Там обосновались различные террористические группы. Потянулись добровольцы из Эфиопии, Эритреи, Кении, Уганды, Сомали. Иранцы всех обучали и снабжали оружием.

Израильяне первыми обратили внимание на то, что иранские шииты могут сотрудничать с суннитами против общего врага. Египтяне в это не верили. Но в Судане нашел приют участник убийства Анвара Садата — аль-Завахири, руководитель египетского «Исламского джихада». В апреле 1991 года он ездил в Иран, просил помощи у иранцев для свержения египетского правительства. В августе 1993 года организовал атаку камикадзе на министра внутренних дел Египта Хасана аль-Алафи. Два человека на мотоцикле взорвали себя рядом с машиной министра, оба погибли. Министр отделался легкими повреждениями. С территории Судана исламисты охотились на египетских чиновников.

Египет пригрозил руководителям Судана Омару аль-Баширу и Хасану аль-Тураби, что если они не избавятся от аль-Завахири и других врагов Египта, ответ будет жестоким. Суданцы понимали, чем рискуют, и выслали аль-Завахири.

Тураби вообще был готов сотрудничать — в 1994 году он отдал французам печально известного террориста Карлоса Шакала (настоящее имя Ильич Рамирес Санчес). Предлагал выдать и Осаму бен Ладена в обмен на улучшение отношений с Соединенными Штатами. Но в тот момент США еще не имели достаточных доказательств для того, чтобы посадить Осаму на скамью подсудимых. Тогда Тураби выставил Осаму в Афгани-

стан, забрав его деньги. Осаму обвели вокруг пальца. Тураби воспринимал его как узкомыслящего салафита (в данном случае, традиционалиста), а себя считал подлинным богословом, способным к самостоятельным суждениям...

Может ли Иран возглавить всемирное движение шиитов? Многие задаются этим вопросом. Но само по себе такое движение едва ли возможно.

Общая история, общий язык и единая территория важнее религии. Иракские, ливанские, сирийские шииты — прежде всего арабы, а затем уже шииты. А вот иранские шииты — прежде всего персы. Иракские шииты охотно воевали против Ирана. Национальные чувства важнее религии. Так что всемирная шиитская коалиция едва ли появится.

Иран, конечно же, много выиграл от падения режима Саддама Хусейна. Но в Тегеране не хотят, чтобы Иран рассматривали только как шиитское государство. Иран добивается лидерства на Ближнем Востоке. Но на это не может рассчитывать шиитская страна, со всех сторон окруженная суннитами.

Вот почему в Тегеране неустанно призывают к борьбе с Израилем!

Ведь и сам арабский мир остается разобщенным. Только общая ненависть к Израилю заставляет арабские страны изображать нечто вроде единства, но и то весьма зыбкое. Для Ирана обещать уничтожить еврейское государство — это единственный способ заставить арабов забыть о вражде к персам, а весь исламский мир — перестать думать о том, что иранцы — шииты. Это единственный путь к мировому величию, о котором мечтают в Иране. Впрочем, для величия необходимо еще кое-что — ядерное оружие.

Иранские руководители и священнослужители словно помешались на Израиле.

В конце июня 2012 года в Тегеране прошла международная конференция по борьбе с наркотиками. Первый вице-президент Ирана Мохаммад Реза Рахими сказал, что именно сионисты продают наркотики: «Исламская Республика Иран заплатит любому, кто найдет хотя бы одного сиониста-нар-

комана. Нет таких. И это доказывает, что они стоят за торговлей наркотиками».

В Тегеране так много говорят о необходимости уничтожить Израиль, словно ничто иное их не интересует. Одна из статей конституции Ирана требует «освобождения оккупированных арабских земель» военной силой. В Тегеране доказывают, что Иран — лучший друг палестинцев, чем арабские страны. Для Ирана недопустимо признание арабскими странами Израиля, потому что Ирану нечего делать на мирном Ближнем Востоке. Заключение мира между еврейским государством и его арабскими соседями лишит Тегеран привлекательного лозунга, под которым иранцы пытаются сплотить вокруг себя регион.

Летом 1993 года Организация освобождения Палестины (ООП) находилась на грани распада.

Поддержка Ясиром Арафатом Саддама Хусейна ударила по многим палестинцам. Государства Персидского залива изгнали палестинцев, которые работали в этих странах, в знак мести ООП. Только из Кувейта выслали триста тысяч палестинских рабочих, большинство из них вернулись безработными в Газу и на Западный берег.

В час отчаяния ООП пошла на соглашение с Израилем. Для Израиля было лучше спасти слабую ООП, чем ее добивать. Тем более что уже проявились куда более опасные террористические организации — ХАМАС и «Исламский джихад».

Секретные переговоры в Осло между израильтянами и палестинцами шли с января 1993 года. 19 августа 1993 года историческое соглашение о взаимном признании было достигнуто: израильтяне согласились на создание независимого государства палестинских арабов. Первые сообщения просочились в печать 27 августа. Меньше чем через три недели совместную декларацию подписали министр иностранных дел Израиля Шимон Перес и представитель ООП по внешним связям Махмуд Аббас (Абу Мазен).

Шимон Перес был мотором этих переговоров. Он не хотел, чтобы Израиль управлял палестинцами: «Мы находились в конфликте с самими собой. На протяжении всей своей исто-

рии еврейский народ испытывал отвращение при мысли о том, что ему придется управлять другими».

Прежде всего Перес хотел решить вопрос с сектором Газа, где палестинцы живут в ужасающих условиях, и как можно скорее передать этот район под палестинское управление: «Какой смысл контролировать порядок в Газе, когда каждый израильский солдат, защищающий себя против ножа или камня, запущенного в него палестинцем, обвинялся мировой прессой в нарушении прав человека? Палестинцам нужно жить своей жизнью».

Израильтяне считали, что соглашение, заключенное в Осло, дает им гарантии безопасности от палестинского терроризма. ООП обязалась исключить из Палестинской национальной хартии статьи, призывающие к уничтожению Израиля, и решать все разногласия политическими методами. Шимон Перес обратился к скандинавским странам и руководителям Европейского экономического сообщества с просьбой финансировать палестинскую автономию. Европейцы это сделали. Ни щедрые европейцы, ни израильтяне не предполагали, на что пойдут деньги, поступающие Арафату.

А главная церемония прошла в Вашингтоне.

«Накануне вечером, — рассказывал тогдашний американский президент Билл Клинтон, — я лег спать непривычно рано — в десять часов, поэтому проснулся в три часа ночи. Заснуть мне больше не удалось, тогда я взял библию и прочел всю книгу Иисуса Навина. Я решил надеть синий галстук с золотыми трубами вроде тех, в которые трубил Иисус Навин под стенами Иерихона. Теперь эти трубы должны были возвестить о наступлении мира, благодаря которому Иерихон будет возвращен палестинцам».

13 сентября 1993 года в Белом доме царил праздничное настроение. Дочери президента Челси и детям вице-президента Ала Гора разрешили не ходить в школу, чтобы они не пропустили такое важное событие. Перед лицом всего мира председатель Организации освобождения Палестины Ясир Арафат должен был признать право Израиля на существование, а премьер-министр Израиля Ицхак Рабин — взять на себя обязательство

способствовать созданию независимого палестинского государства. «Мне сказали, — вспоминал Клинтон, — что Арафат намерен появиться в своей традиционной одежде — в куфии и военной форме оливково-зеленого цвета и, возможно, захочет взять с собой револьвер, с которым не расстанется. Я дал ему знать, что раз он приезжает заключать мир, ему не нужно оружие. В Белом доме он будет в полной безопасности».

Арафат не расставался с оружием. В 1974 году, выступая впервые перед Генеральной Ассамблеей ООН, говорил: «Я пришел к вам с оливковой ветвью в одной руке и с оружием борца за свободу в другой. Не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки!» На поясе у него висела кобура. Но мало кто знал, что кобура была пустой.

«Когда премьер-министр Израиля Рабин прибыл в Вашингтон, — вспоминал Клинтон, — я сказал ему, что если он действительно привержен миру, ему придется пожать руку Арафату. Рабин резко ответил: „Хорошо. Но никаких поцелуев“. Я знал, что Арафат — великий шоумен и что он постарается поцеловать Рабина после рукопожатия. Но я был уверен, что если Арафат не поцелует меня, он не попытается поцеловать и Рабина. Мой советник по национальной безопасности Тони Лэйк сказал, что знает способ, как пожать руку Арафату и избежать поцелуя. Мы немного потренировались. Когда я пожал Лэйку руку и приблизился, чтобы поцеловать, он положил кисть своей левой руки на сгиб локтя моей правой руки и сжал его; это меня остановило».

«Я сидела в первом ряду на лужайке Белого дома, — писала государственный секретарь Мадлен Олбрайт, — и видела, как президент Клинтон широко развел руки и мягко подтолкнул друг к другу премьер-министра Израиля Ицхака Рабина и председателя Организации освобождения Палестины Ясира Арафата. После минутного колебания Рабина эти два человека пожали друг другу руки, и фотографии, запечатлевшие эту сцену, появились на первых полосах практически всех газет в мире». В этот день холодная война между Израилем и Ираном сменилась холодным миром.

Когда Организация освобождения Палестины и Израиль договорились о создании независимого палестинского государст-

ва, президент Ирана Али Акбар Хашеми Рафсанджани обвинил Ясира Арафата в том, что он «предал свой народ». Иранские парламентарии подписали заявление с требованием «стереть Израиль с карты мира».

Арафат все понял. Всего через несколько дней после торжественной церемонии в Вашингтоне он выступал в мечети в Йоханнесбурге. Объяснил, что подписал с Израилем такой же мир, какой пророк Мохаммад заключил с племенем курейшитов, обитавших в Мекке. Историческая параллель была понятной любому мусульманину. Мир-то был подписан на десять лет, но уже через год пророк во главе большой армии вступил в город, и курейшиты сдались ему без сопротивления.

Арабские страны боялись, что мир позволит Израилю превратиться в мощную экономическую державу, которая станет доминировать в регионе. Для Ирана признание арабскими странами Израиля неприемлемо по иной причине: исчезает лозунг, под которым он может сплотить вокруг себя регион. Если мирный процесс приведет к успеху и появится государство палестинских арабов, боялись в Тегеране, Иран окажется в изоляции.

В Тегеране пришли к выводу, что только террор может подорвать мирный процесс. Поэтому полную поддержку получили такие радикальные организации, как ливанская Хезболла и палестинский ХАМАС. Суннитские ХАМАС и «Исламский джихад» закрыли глаза на ненависть к шиитам и попросили Иран о помощи. Вместе они делают все, чтобы мирный процесс стал невозможным.

Кровавые теракты против гражданского населения провоцируют Израиль на ответные операции, и это срывает любые попытки договориться... Иначе говоря, чем хуже ситуация на Ближнем Востоке, тем лучше для Ирана. В марте 1996 года в интервью французскому телевидению Шимон Перес констатировал: «Иран — центр терроризма, фундаментализма и подрывной деятельности и, с моей точки зрения, опаснее нацизма, потому что у Гитлера не было ядерного оружия...»

Шах мечтал о ведущей роли в регионе, Хомейни — во всем мире. Его окружение призывало арабские массы по иранскому примеру свергнуть своих шейхов и установить исламское прав-

ление. Но идеи Хомейни не привлекли соседние страны. Увидев, что не удалось экспортировать революцию и свергнуть режимы в соседних арабских странах, Иран изменил стратегию. Теперь Иран апеллирует к гордости арабов, демагогически возмущается слабостью арабских режимов в противостоянии Израилю и великим державам. Эта пропаганда находит отклик.

«Освобождение Иерусалима», о котором когда-то говорил аятолла Хомейни, всегда было для Ирана пропагандистской фразой, а не политической целью. Хомейни мало интересовался палестинскими арабами. Ему не нравилось еврейское государство по религиозным мотивам. Хомейни был вообще против национализма и существования отдельных государств: международная система порождена слабым человеческим умом, считал он, она должна быть заменена мировым исламским порядком.

Когда к нему приехал глава палестинцев Ясир Арафат, Хомейни сделал ему выговор: он должен расстаться со своими левыми и националистическими идеями и больше думать об исламе. За словами Хомейни скрывался простой расчет. Иран не может возглавить борьбу за Палестину, пока это общеарабское дело. Тут Ирану нет места. Другое дело, если борьба за Палестину — это религиозная война...

Хомейни и Арафат больше не встречались. Окружению аятоллы не нравилось, что палестинцы мало внимания уделяют религии, пьют, смотрят кино. Палестинцы поняли, что никакой реальной поддержки от Ирана не получают. В январе 1997 года оскорбленный в лучших чувствах Ясир Арафат сокрушался: «Я помогал иранцам. Я отправил девяносто офицеров охранять Хомейни. А теперь иранцы возглавили тех, кто сражается против меня».

6 июня 1982 года израильские войска вошли в Ливан. В этот день лидеры шиитской общины Ливана находились в Тегеране и попросили Хомейни о военной помощи. Но Хомейни не стал посылать свои войска в Ливан. Хомейни отказался отправить иранские истребители F-4 на помощь Сирии, чья авиация вела бои с израильской в небе Ливана. Иран всегда воздерживался от прямой конфронтации с Израилем. Предпочитал действовать чужими руками.

Судьба палестинских арабов не интересует и нынешних иранских руководителей. Громкие призывы уничтожить Израиль адресованы арабской улице, которая ловит эти слова с замиранием сердца. Призыв уничтожить Израиль создает замечательное эмоциональное прикрытие для любого исламиста, который утверждает, что сражается за освобождение Палестины.

Когда президент Ирана Махмуд Ахмадинежад отрицает холокост — уничтожение евреев нацистами в годы Второй мировой войны, — это хорошо рассчитанная провокация. Президент и его окружение исходят из того, что возмущение Израиля, американской и европейской общественности только поможет сплочению арабов и мусульман вокруг Ирана. В результате критиковать Иран становится невозможным — все равно что поставить себя в один ряд с Соединенными Штатами и Израилем.

Иногда кажется, что тегеранские руководители сознательно провоцируют военную операцию Соединенных Штатов или Израиля против ядерных объектов в Иране. Президент Ирана Ахмадинежад свою страну называет супердержавой мирового уровня и примером для всего мира, а ядерную программу считает «величайшим чудом в истории». Ахмадинежад выставил Запад врагом, который мешает Ирану получить законный доступ к современным технологиям. Он сделал на этом карьеру. Многие иранцы повторяли: «Мы стали думать о нем лучше, когда он отказался закрыть нашу ядерную программу. Он настоящий мужчина и держит слово».

Каждый иранец несет в себе гордость за свою древнюю цивилизацию. Он помнит успехи древних персов в искусстве и науках. Нынешнее западное превосходство только усиливает ощущение утраченного величия. Поднимая градус антизападной истерии, запугивая иранцев военной операцией Соединенных Штатов или Израиля, президент Ирана укрепляет свои позиции в правящей элите страны. Силовая акция против Ирана была бы для него лучшим подарком.

НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОГО АЯТОЛЛЫ

Исторический эксперимент, поставленный Исламской революцией в Иране, продолжается три с лишним десятилетия.

Иран — это безалкогольное общество. Выпивка приравнена к уголовному преступлению. Страждущим иностранцам предлагают утешиться чаем или безалкогольным пивом местного производства. Вечером за столиками сидят чисто мужские компании — без женского общества. Пьют чай из маленьких стеклянных стаканчиков вприкуску — с белым мелко наколотым сахаром, желтыми кружочками жженого сахара, финиками, лимонами. Курят кальян, который, впрочем, не заменит обычной сигареты. Даже в жару ходят в темных, теплых шерстяных костюмах. Руки бесконечно перебирают четки. Люди часами ведут неспешные беседы — кажется, иранцам всегда есть о чем поговорить.

Семейные пикники тоже проходят под чай, лепешки и помидоры. Поскольку закусывать в Иране незачем, то и огурцы переключались в разряд фруктов: их подают на десерт вместе с яблоками и апельсинами.

Вырабатывать спиртные напитки, причем только для собственного употребления, разрешено лишь армянской общине. Продавать спиртное мусульманам запрещено. Правда, поговаривают, что запреты слабнут, что запросто можно встретить на улице человека, от которого несет перегаром.

Уж не знаю, что тому причиной — безалкогольный образ жизни, климат, полноценная еда или хорошие гены, но мужчины высокие, крепкие, выглядят завидно здоровыми. Есть очень красивые лица — в конце концов иранцы имеют больше прав считать себя арийцами, чем немцы.

Этнически Иран разнороден: здесь обитают курды, арабы, туркмены, армяне, белуджи, кашкайцы. Собственно персы составляют половину населения. «Нет-нет, национальных меньшинств у нас нет. Все мы иранцы — и азербайджанцы, и курды, и белуджи, — рассказывал мне в Тегеране глава парламента. — У нас в стране все иранцы, но не все мусульмане. Национальных меньшинств нет, но есть религиозные меньшинства». В знак уважения к другим религиям конституция позволяет живущим в Иране зороастрийцам, христианам (армянам) и иудеям иметь по одному депутату в парламенте. Ассирийцы и халдеи вместе выбирают одного депутата.

Для теократического государства естественно признавать не этническое, а конфессиональное деление. Но дело не только в этом. Тегеран всегда боялся распада страны, поэтому и не признает этнические меньшинства. Скажем, курды мечтают воссоединиться со своими братьями, разделенными между четырьмя государствами. Москва после войны пыталась присоединить к советскому Азербайджану иранский. В Тегеране опасаются, что арабы, живущие в провинции Хузестан на юге страны, могут поддаться арабскому национализму, который проповедует соседний Ирак. А белуджи (в Иране их примерно миллион) захотят объединиться со своими сородичами в Пакистане (там их больше трех миллионов). А есть еще туркмены...

У молодых иранских бородачей решительный, иногда суровый и даже пугающий вид. В Иране не заработаешь на жизнь продажей бритвенных принадлежностей. Скорее уж стоит торговать средствами для ухода за бородой.

Рассмотреть иранских женщин труднее. Подчиняясь исламским обычаям, они избегают чужих глаз. Правда, в богатых районах Тегерана, где нравы либеральнее, все же можно убедиться в том, что поэты не напрасно воспевали красоту персидских женщин. Здесь даже позволяют себе малую толику косметики. Но обычно группы женщин, укутанных в черное, производят на приезжего тягостное впечатление.

Почему в автобусах в Иране женщины и мужчины занимают места в разных концах салона — мужчины впереди, женщины сзади? «Иранские женщины сами попросили, чтобы им выде-

лили отдельные места, — как ни в чем не бывало, объясняют в Тегеране. — В общественном транспорте много людей, пассажиры стоят впритык друг к другу. Женщинам неприятно тесниться вместе с мужчинами».

Когда-то женщины, которые при шахе одевались по-европейски, надевали чадру или платок в знак протеста против шахского режима, а теперь отказаться от ношения традиционной одежды — значит подчиниться западным ценностям, предать семью и веру. Тогда зачем в магазинах продается много красивой современной одежды, украшений, если женщины обязаны ходить в черном? «Наши женщины все это носят, — отвечают иранские мужчины. — Где? Дома, в гостях, на приемах».

Почему представительницы иных религий, иностранки, приезжающие в Иран, обязаны одеваться, как исламские женщины? «Обязанность любой женщины, даже приехавшей из-за границы, носить такую одежду, которая закреплена в конституции, принятой всенародно. Закону должны подчиняться все, кто находится на территории Ирана».

Как быть иранским спортсменкам, которые хотят заниматься, например, плаванием, если им нельзя раздеваться в присутствии мужчин? «Для спортсменок выделены специальные, закрытые для посторонних места». Это означает, что иранские девушки лишены возможности участвовать в международных состязаниях, добиваться успехов, побеждать? «Профессиональный спорт среди женщин мы вообще не приветствуем. Разрешаем те виды, в которых можно выступать в традиционной одежде. Прекрасный вид спорта — стрельба из лука. Медали и рекорды не стоят того, чтобы ради них сбросить одежды, растоптать свои традиции. Иранские женщины это понимают».

Существует ли в Иране многоженство, разрешенное исламом? Этот вопрос я задал дочери бывшего президента страны Фатиме Хашеми. Она долгое время возглавляла комитет иранских женщин: «Все, что говорится о женщинах в Иране, — злобная пропаганда. Напрасно утверждают, что женщина в чадре неспособна участвовать в общественной жизни. Чтобы отразить злобные выпады, и была создана наша организация. Мы

хотим доказать, что в исламском мире женщина может и быть хранительницей очага, и участвовать в общественной жизни».

Фатима Хашеми кутается в черный платок. На руке тоненькое золотое кольцо с бриллиантом. Когда улыбается, ее несколько суровое лицо становится приятным. Выпускница биологического факультета Тегеранского университета. Предпочитает французские духи. Муж — зубной врач.

Она объяснила свою позицию относительно многоженства. «Многоженство позволено только в том случае, если мужчина способен одинаково любить всех своих жен и содержать их, — ответила Фатима Хашеми. — В Иране многоженство практически не существует. Иранская женщина при внешнем смирении не намерена терпеть дома соперницу. Вторую жену можно взять только с согласия первой. Если бы мой муж привел в дом вторую жену, я бы немедленно дала мужу развод». Суевившиеся вокруг нее женщины с переговорными устройствами принесли ей коран в кожаном переплете на молнии. Фатима стала сверяться с первоисточником. По-человечески понятно, что дочь бывшего президента решительно против многоженства. Но тут очевиден отход от заветов Хомейни.

Мне бросилось в глаза, как мало в стране туристов. Я не встретил их ни в Тегеране, ни в Исфахане, где много памятников старины. Не видел туристических автобусов, не заметил обычно бросающихся в глаза шумных туристических групп в гостиницах. Один из заместителей министра иностранных дел дал понять, что при таких запасах нефти и других полезных ископаемых Иран вполне может позволить себе пренебречь доходами от туризма: «Конечно, туристам у нас в стране придется следовать нашим правилам. У нас нельзя пить, танцевать, заниматься развратом. Все женщины должны быть соответствующим образом одеты. Мы приветствуем туризм, но не станем ради него жертвовать своими законами».

Исламская революция была протестом древней культуры, силу которой никто толком не представлял, против западного влияния, против попыток шаха модернизировать страну. Шах, наследственный владыка страны, упустил свой исторический

шанс. Задуманные им реформы, прежде всего аграрная, которая предусматривала передачу крестьянам земли, были скомпрометированы коррупцией, интригами и жестокостью секретной службы.

Одна из самых древних империй — Персидская — возникла на земле, богатой нефтью. Проснувшись от многовековой спячки, Иран пустил в ход нефтяное богатство, чтобы вернуть былое влияние в международных делах. Когда в 1970-е годы потекли нефтяные деньги, у руководителей страны закружилась голова. Шах Мохаммад Реза Пехлеви выдвинул лозунг: «Превратить Иран в одну из пяти главных промышленных держав». Он рассчитывал, что национальный доход будет расти более высокими темпами, чем в Японии.

Шах был типичным восточным самодержцем. Не терпел никакой иной власти, кроме собственной. Содержал пышный двор и развращенное семейство. Гордился тем, что ликвидировал всех, кто оказывал ему сопротивление. Откровенно признавался, что питает отвращение к демократии. Тем не менее шах многих очаровал на Западе. Им восхищались. Он был властителем с идеями, производил впечатление крупного государственного деятеля. И у него были деньги, может быть слишком много денег для реализации своих идей.

Политическая элита страны считала модернизированный абсолютизм лучшим или даже единственным средством достижения подлинной независимости. В Тегеране полагали, что демократия — опасная роскошь, которую едва ли можно себе позволить. И у кого спрашивать мнение, брезгливо вопрошали персидские аристократы. У рыночных торговцев, безграмотных сезонных рабочих, нищих, чревовещателей, предсказателей судьбы, разорившихся ремесленников, бродяг и дервишей?.. Для них политика означала одно — в день выборов их загрузят в кузов грузовика и доставят на избирательный участок, где в обмен на «правильное» голосование порадуют пачкой сигарет, бесплатной едой или мелкими деньгами.

Казалось, Иран способен совершить прыжок и присоединиться к головному отряду крупных индустриальных держав,

как это произошло с Японией, а затем с Южной Кореей. И как-то забывалось, что Иран — кровавая диктатура.

По закону от 20 марта 1957 года для «обеспечения безопасности государства и противодействия любому заговору, направленному против общественных интересов», создали Службу информации и безопасности страны (САВАК). Первым руководителем был генерал Теймур Бахтияр, дальний родственник второй жены шаха — Сорейи. САВАК прославилась жестокими и разнообразными пытками.

Может быть, в мире надеялись, что охватившее шаха безумие репрессий постепенно пройдет. Или мирились, как с неизбежным злом в стране, лишенной демократической традиции, грубой и склонной к насилию. Рассчитывали, что шах когда-нибудь перейдет от просвещенного деспотизма к либеральной демократии. Но он был слишком уверен в превосходстве своей системы правления над всеми другими. Его мечта об экономическом чуде выродилась в необъятную коррупцию — страна погрязла в бакшишах, взятках и расточительстве, которые обеспечили процветание лишь элиты. Мечта о превращении в великую индустриальную державу оказалась лишь манией величия шаха. Кончилось это тем, что разочарованная страна повернулась к нему спиной и нашла спасение в религии.

Его отец, шах Реза Пехлеви, был националистом. Ему не нравилось, что Запад смотрел на его страну с презрением, считал отсталой. Англичане называли персов гхолами, то есть рабами. Персы не могли без особого пропуска приезжать в город, где добывалась нефть и где хозяевами оставались англичане.

Шах хотел уничтожить реакционные аспекты ислама, которые мешали продвижению вперед. Узость мировоззрения и ограниченность образования мулл заставляли их быть в оппозиции реформам. Они не позволяли женщинам отказываться от чадры, противились анатомированию тел на медицинском факультете университета. Вскрытие или посмертный осмотр трупа были запрещены.

Шах хотел создать Ирану облик прогрессивного государства. Принятая им конституция пыталась сочетать принципы запад-

ной либеральной демократии с подчинением политической жизни шариату.

27 января 1963 года его сын провозгласил так называемую «белую революцию». Она предусматривала аграрную реформу, национализацию вод и лесов, участие рабочих в прибылях предприятий, реформу избирательного права, включая предоставление женщинам права голосовать.

При дворе шаха понимали: необходимо перенимать лучшее, что есть во внешнем мире, в Европе, но советовали говорить, что это взято не у Европы, а непосредственно из ислама, тогда это будет с радостью воспринято как доказательство неисчерпаемости религии... Но все реформы шаха наносили удар прежде всего по исламскому духовенству. Шах недооценил их силу, а также бойцовские качества своего главного противника — аятоллы Хомейни, который превратил шиизм в инструмент борьбы за власть.

Аятолла Рухолла Мусави Хомейни родился 9 апреля 1900 года в небольшом местечке возле Исфахана. Он происходил из семейства Мусави, ведущего род от седьмого имама Мусы. Став главой Ирана, он назначит на ключевые должности людей из своего клана... Его дед поселился в городке Хомейн примерно в 1840 году и основал собственную религиозную школу.

Рухолла Хомейни всегда выступал против шахских реформ. В этих либеральных реформах он увидел «подготовку почвы для иностранного господства». Он стал фигурой номер один в шиитском духовенстве после смерти в 1961 году аятоллы Боруджерди.

В 1963 году Хомейни открыто выступил против шахских реформ — «белой революции». По его призыву вспыхнуло антишахское восстание. Волнения продолжались три дня. Подавили их вооруженные силы. Погибло больше пяти тысяч человек. Сотни оппозиционеров оказались в тюрьме. Хомейни арестовали, что вызвало бурю протестов, потом выпустили. А в ноябре 1964 года отправили в изгнание в Турцию. Оттуда он перебрался в Ирак — в город Эн-Неджеф. Это одно из святых для шиитов мест, здесь находится гробница первого имама Али.

Священнослужители-идеалисты ринулись в Исламскую революцию, рисуя себе картину лучшего из мусульманских миров. Они мечтали об идеальном, чистом обществе, в котором станет единым целым религиозная и политическая жизнь. В мечтаниях им виделась республика, живущая по законам шариата, — республика простая, суровая, бедная материально, но богатая духовно.

Получилось иначе. Исламскому духовенству, соблазвившемуся властью, удалось полностью взять контроль над страной в свои руки. Но не отвлекает ли муллу политика от служения Аллаху? «Для иранских священнослужителей политика — часть религиозной деятельности, — объяснял мне глава иранского парламента. — Если допустим отделение религии от политики, Аллах нас накажет. Ведь мы столько мечтали о создании исламского государства, и, наконец, сбылось».

Шииты исходят из того, что любое светское правительство с религиозной точки зрения незаконно. В Тегеранском университете каждый студент, вне зависимости от того, собирается ли он стать ветеринаром, инженером или астрономом, обязан изучать основы ислама, этику ислама и историю ислама.

Но вот что удивляет: постоянно живущие в Иране иностранцы утверждают, что мечети пустеют. Раньше духовенство находилось в оппозиции к несправедливой власти, и симпатии людей были на стороне мулл. Потом духовенство само стало властью, и люди переносят на священнослужителей свое недовольство жизнью, считая, что после революции только те и разбогатели. Люди становятся аполитичными, циничнее относятся к религии и к духовенству, иранцы лишились прежнего душевного подъема. Пока исламское духовенство проповедует против влияния западной культуры, дети священнослужителей благополучно отправляются за рубеж — учиться или отдыхать. Участие в антиамериканском митинге не мешает после насладиться у себя дома новой видеокассетой с записью американского фильма, доставленного в Иран контрабандой.

Постоянно идет борьба между сторонниками послаблений и противниками любых отступлений от заветов Хомейни. Скажем, умеренные политики разрешили студентам летом носить

рубашки с короткими рукавами. Фундаменталисты тут же бросились в бой, требуя запретить женщинам кататься на велосипедах. Ортодоксальные теологи исходят из того, что у велосипеда тоже есть седло, а раз женщинам запрещено ездить на лошадях, то и катание на двухколесной технике тоже не должно быть разрешено.

В Иране наказывают за то, что в других странах правонарушением не считается: за алкоголизм, за внебрачные половые связи. В Иране казнят публично. Зачем? «По просьбе местного населения, люди хотят убедиться, что злодей наказан», — объяснил мне глава судебной власти страны аятолла Мохаммад Язди.

Аятолла Язди, ученик Хомейни, возглавлял всю судебную власть Ирана, то есть следил за тем, чтобы судьи руководствовались исламским правом. Он подписывал наиболее строгие приговоры. Мне запомнилось его мрачное, суровое лицо.

Незадолго до своей смерти в 1989 году Рухолла Хомейни приговорил к смерти англоязычного писателя Салмана Рушди, который родился в Индии в мусульманской семье, за книгу «Сатанинские стихи». Фетва¹ аятоллы Хомейни гласила: «Я сообщаю гордым мусульманам всего мира, что автор „Сатанинских стихов“ — книги, направленной против Ислама, Пророка и Корана, и все те, кто был посвящен в замысел, приговариваются к смерти. Я прошу всех мусульман уничтожить их, где бы они ни были обнаружены». Это был смертный приговор, вынесенный без суда и следствия. Хомейни внушал мусульманам, что, убив нечестивого писателя, они совершат угодное Аллаху дело.

Хомейни был предельно нетерпим к неверным и нечестивым: «Если кто-то позволяет неверным продолжать играть роль развратников на земле, их окончательное моральное наказание будет еще более сильным. Таким образом, если мы убиваем неверных, чтобы положить конец их развратным действиям, мы, в конце концов, оказываем им услугу. Окончательное наказание для них будет меньшим. А разрешить неверным остаться жить — значит позволить им сделать больше нечестивых дел. Убивать их — значит совершать хирургическую операцию, исполнять

¹ Фетва — заключение, приобретающее силу закона.

волю Аллаха... Те, кто следует правилам Корана, знают, что мы должны подчиняться законам возмездия и должны убивать...»

Салман Рушди, который обратился за помощью к британской полиции, не оценил гуманности и благородства Хомейни, намеревавшегося оказать писателю услугу — избавить его от греховной жизни. Британское правительство взяло писателя под защиту, выделило бронированный автомобиль, двух водителей и двух охранников.

Рушди сделал заявление: «Я признаю, что мусульмане в разных частях света искренне переживают из-за моего романа. Я глубоко сожалею, что его публикация вызвала такие чувства у искренних последователей ислама...» Это не помогло. Хомейни подтвердил свой приговор: «Даже если Салман Рушди покается и станет самым благочестивым человеком всех времен, долг каждого мусульманина использовать все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы отправить его в ад».

После смерти Хомейни ожидали, что Тегеран отменит смертный приговор писателю. «Приговор остается в силе, — сказал мне аятолла Язди. — Приговор Салману Рушди был вынесен не судом. Это фетва имама Хомейни, обязательная для исполнения мусульманами всего мира. Иранский суд не вправе отменить фетву имама».

Когда Тегеран захотел восстановить дипломатические отношения с Великобританией, в конце 1998 года на встрече с британским министром иностранных дел Робинотом Куком иранский министр Камаль Харази сказал: «Правительство Исламской Республики Иран не намерено ни предпринимать какие-либо акции, угрожающие жизни автора „Сатанинских стихов“ или кого-либо другого, имеющего отношение к этой работе, ни помогать кому-то это сделать». Это означало, что фетва Хомейни отменена. Но осенью 2012 года, после появления печально знаменитого фильма «Невинность мусульман», иранские муллы вспомнили и о Рушди, потребовали все-таки наказать его и назначили награду в три миллиона долларов. Объяснили: «Если бы воля Хомейни была исполнена, никто бы не посмел так богохульствовать».